

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

4-ТОМ ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Экзистенциализм

Мы в чём-то соглашаемся с сэром Энтони Кенни, в чём-то дополняем его информацию. Но самое главное – мы говорим о современной философии. И сегодня нашими героями лекции будут три мыслителя, приверженца философии экзистенциализма. Это Николай Бердяев, Мартин Хайдеггер и Карл Ясперс.

У Энтони Кенни нет упоминания русского экзистенциализма, таких имён как Лев Шестов и Николай Бердяев. И он почему-то обходит своим вниманием немецкого философа Карла Ясперса. Поскольку нельзя объять необъятное, он выделяет самую главную фигуру в немецком экзистенциализме – это Мартин Хайдеггер.

Но мы с вами начнём с Николая Бердяева. Две главные темы экзистенциализма Николая Бердяева – это свобода и смысл творчества. Работа, написанная Бердяевым в 1911 году, так и называлась «Философия свободы». И, конечно же, Николая Бердяева, как и французских экзистенциалистов Жан-Поля Сартра и Альбера Камю (них мы будем говорить в следующий раз), интересовала тема свободы как великой ценности, как главного экзистенциала человеческого бытия. Бердяев – религиозный философ. Он связывает творчество с Богом. Более того, он говорит, что творчество – это наш ответ на замысел Бога. Смотрите, как интересно. Сегодня мы говорим о творчестве, используя слово креативность. Согласно религиозным взглядам, мы созданы по образу и подобию творца. Творить – английский глагол to create, творение – это creation. Уподобляясь Богу, мы тоже должны творить. Получается, не проявляя творчество, не развивая в себе способности, мы не отвечаем божественному замыслу.

Мне кажется, сегодня это очень важная идея о том, что творчество является полной противоположностью потреблению. Был такой интересный немецкий философ Герберт Маркузе, который полвека назад написал работу One-dimensional man («одномерный человек»). Он говорил о том, что сегодня люди живут в массовом обществе потребления, это их единственное измерение. Человек стал потреблять не только вещи, друзья и близкие используются как предметы. Вспомните культовый роман Чака Паланика «Бойцовский клуб» и одноимённую картину Дэвида Финчера. Там та же тема об одноразовых друзьях. Мы потребляем и выбрасываем отношения, как одноразовую посуду. Сегодня, в XXI веке это проявляется особенно, из-за доступности информации, которую мы никак не рефлекслируем, она не превращается в знания. Для нас просмотр фильма с попкорном приравнивается к физиологическому процессу. Возвращаясь к Бердяеву, можно сказать, что в нашем творчестве мы являемся создателями новых смыслов и новых идей, а не просто пассивными потребителями.

У Николая Бердяева есть изящный фрагмент, который он называет «О свободе и рабстве человека». Он считает, что человек зависит от двух вещей – от природы и от общества. Рабство человека от природы называется сексуальностью, это его половое влечение, от которого часто невозможно отказаться. Зависимость от общества проявляется в семье. Да, звучит немного жестко, но, по сути, правильно. Потому что общество создает институт семьи, общество заинтересовано в том, чтобы люди жили семьями.

А в чём же человек свободен? В двух вещах, говорит Бердяев, в любви и личности. Любовь свободна по определению. Нас никто не заставляет любить, это наш сознательный свободный выбор. Личность есть выражение свободы. Свобода и независимость – вот что такое личность. А дальше возникает много вопросов, которые каждый решает по индивидуальному сценарию. В каком противоречии находится наша личность и наша любовь, когда человек создаёт семью? Как связаны друг с другом личность, любовь и секс? Ведь это не одно и то же. Мне не очень нравится просторечное выражение «заниматься любовью». Заниматься любовью нельзя, можно заниматься сексом. Можно любить или не любить.

Бердяев выражает любопытную мысль о различии между любовью мужчины и любовью женщины. Он говорит: «В любви женщина гениальна, мужчина только талантлив». Что это значит? Если женщина любит, для неё нет ничего, кроме её любви. Мужчина более примитивен, чем женщина.

Отсюда можно сделать вывод: талант в чём угодно – в математике, в музыке, в кулинарии – это всего лишь часть жизни, продвинутая, развитая, совершенно индивидуально ярко окрашенная, но часть. Для гения музыка, математика, всё что угодно – это вся его жизнь. Мы можем привести массу примеров. Для Бетховена и Моцарта не существовало ничего, кроме музыки.

Несколько слов нужно сказать об интересном и глубоком, сложном мыслителе Мартине Хайдеггере, представителе немецкого экзистенциализма. Главная работа Хайдеггера – «Бытие и время». В этой книге он формулирует понятие «Дазайн». Дазайн – это бытие, которое человек постигает благодаря осознанию своей смертности, конечности жизни. Хайдеггер вспоминает старую заповедь – *Memento mori* («Помни о смерти»). Почему о ней нужно помнить? Потому что, забывая о своей конечности, человек забывает и о своей индивидуальности. Именно наша конечность, отрезок между рождением и смертью, ставит вопрос о смысле жизни. Хайдеггер говорит, забывая об этом, люди выпадают в категорию *Das MAN*. Принимают образ жизни анонимного человека, человека, лишённого индивидуальности.

Мне кажется, Хайдеггер очень точно и ярко схватывает суть человеческого бытия. Он говорит, что человек – это присутствие, этим он и отличается. Дазайн-бытие человека отличается от просто сущего, от предметного материального мира. Стул просто стоит, телефон просто лежит на столе, кошка просто мяукает – они просто существуют. Но человек – это присутствие в мире. Это не просто предметное существование, и порой от этого присутствия невозможно закрыться. Человека может уже не быть в живых, но он продолжает присутствовать в наших мыслях и чувствах, в нашем сердце. Это не наличное, предметное, фактическое существование, это именно присутствие.

Кроме того, Хайдеггер говорит о том, что человек – это его собственная возможность. Это связано с идеей свободы. Если человек не имеет таких возможностей, он просто вещь, предмет. Смотрите, в каждый момент своего человеческого бытия мы имеем спектр каких-то возможностей. Условно говоря, у вас сейчас есть возможность слушать эту лекцию, есть возможность выключить её и заняться чем-то другим, у вас есть возможность пойти куда-то. Мы свободны в выборе возможностей. Каждый раз мы актуализируем возможность, переводим через настоящее из будущего в прошлое. В этом и состоит ритм нашего бытия.

У Хайдеггера есть понятие настроения, но это не психологическое настроение, не тот психологизм, с которым боролся и Эдмунд Гуссерль, это уже философская категория, означающая целостное состояние, целостное восприятие мира. Мы в настроении, когда нам открыта гармония мира. Или разрушаем эту целостность, чувствуя заикленность на какой-то проблеме. Настроением Хайдеггер называет целостную форму бытия. То же самое он говорит о заботе. Можно по-разному понимать заботу. Но философия занимается не вопросами быта, а вопросами бытия. Забота у Хайдеггера – открытие своей индивидуальности, неповторимости и непохожести. Всё тот же ответ на вопрос «для чего я родился». У Бродского есть совершенно потрясающее определение индивидуальности – «Лица не общее выражение». Если ты ничем не отличаешься не внешне, не внутренне, тебя нет. Ты *Das MAN*, человек из хора, анонимный человек. Но «лица не общее выражение» – это индивидуальность. И Хайдеггер говорит, что открытие такой индивидуальности – главная забота человека. Но я хочу вернуться к теме конечности, смертности человека. Эти мысли Хайдеггер перенял у датского экзистенциалиста Сёрена Кьеркегора.

Он берёт совершенно удивительные различия двух страхов смерти. Можно очень долго говорить о том, чего человек боится в смерти. Шекспир прекрасно сказал о том, что человек боится не столько самой смерти, сколько неопределённости. У него в «Гамлете» есть пассаж: «Какие сны в том смертном сне приснятся, когда покров земного чувства снят?». Эти слова звучат эпиграфом к зрелищному голливудскому фильму «Куда приводят мечты». Там речь идёт о том, что происходит после смерти там. Этот фильм удивительным образом примирил сторонников разных. Хайдеггер практически повторяет эту идею о двух видах страха смерти. Есть метафизический страх смерти. И есть житейский страх смерти. Житейский страх смерти – это боязнь, что меня не будет, а жизнь будет продолжаться. Метафизический страх смерти – это боязнь предназначения, ради которого стоило жить. Здесь человек не просто боится, что умрёт, он задаётся вопросом «Есть ли в моей жизни то, ради чего стоило жить?». Если да, тогда я ухожу из жизни без сожаления. Если нет, тогда отчаяние приносит целую агонию. Это хорошо было описано в рассказе Толстого «Смерть Ивана Ильича».

Я хочу упомянуть ещё одного мыслителя, о котором Энтони Кенни не говорит, но я считаю это несправедливым. Немецкий философ Карл Ясперс – яркий представитель экзистенциализма. Карл Ясперс связывается с понятием «пограничная ситуация». Это такая ситуация, такие

обстоятельства жизни, которые ставят наше «Я» под вопрос. Тогда мы открываем, на что мы способны. Человек узнаёт о себе очень много именно в пограничной ситуации. В открывшемся ему страхе или отчаянии он постигает суть того, что составляет его человеческое «Я». На грани жизни и смерти человек узнаёт о себе то, что в спокойное и благополучное время он никогда не узнает. Это не означает, что нужно стремиться к этой пограничной ситуации. Ясперс просто констатирует, что это та правда, которую человек может постичь в пограничной ситуации.

Мне кажется, Ясперс точно выразил драму экзистенциальных идей – «Суть экзистенциализма – это противоречие истории и экзистенции». Что это такое? История – это судьба-ситуация. А экзистенция – это судьба-призвание. Есть два вида судьбы. Они пересекаются и создают человеческую драму. Ясперс совершенно афористично говорит, что судьба-ситуация – это то, что стоически переносят, самоотверженно и стойко. А вот судьба-призвание – это то, чему стоически подчиняются. Человек должен стоически переносить ситуацию неволеванности, не изменяя своему таланту.